

ВОСПИТАНИЕ ТОМА КЛЕМЕНСА

ЗОФИЯ МЕЛЬНИК

18+

Зофия Мельник
Воспитание Тома Клеменса

«Автор»

2021

Мельник З.

Воспитание Тома Клеменса / З. Мельник — «Автор», 2021

У Полли Клеменс не хватает времени заниматься воспитанием младшего брата. И Полли поручает горничной Урсуле наказывать Тома ротанговой тростью. Урсула уже не молода, и Том знает ее с детских лет, поэтому получать от Урсулы порку ему не так обидно. Но вскоре в доме миссис Клеменс появляется новая горничная - Джейн. Джейн ровесница Тома и хороша собой. Когда Джейн приходится наказывать Тома тростью, молодой человек испытывает жгучее чувство стыда смешенное с возбуждением... В апельсиновом саду, куда Том устроился подработать летом, ему тоже то и дело достается. Долговязый, похожий на цыгана, Сид Баррет здесь вроде бригадира. Тому кажется, что Сид нарочно придирается к нему и только ищет повод, чтобы высечь розгами... Словом, лето выдалось неудачное и чем дальше, тем хуже. И тогда Том решает сбежать из дома, и вечером забирается в вагон проходящего мимо товарного состава... Эротический роман о женском доминировании и телесных наказаниях. Все персонажи старше 18 лет.

© Мельник З., 2021

© Автор, 2021

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	19
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Зофия Мельник

Воспитание Тома Клеменса

– Как вас зовут?

– Бекки Тетчер. А вас? Впрочем, я знаю: вас зовут Томас Сойер.

– Так, меня зовут только тогда, когда бранят или хотят высечь.

А обыкновенно меня зовут Томом. Вы будете звать меня просто Том.

Марк Твен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прямое как стрела старое шоссе, потрескавшийся асфальт, стершаяся разметка между полос. Справа и слева тянутся заросшие высокой травой поля, а в полях там и сям стоят брошенные дома с заколоченными окнами или коровники с провалившимися крышами. Полицейский «форд» проехал Пранкфорд, Нью-Лондон и подъезжает к Ханнибалу. Начинает смеркаться. Фиолетовые облака, застывшие над горизонтом, похожи на далекую горную гряду.

Айла скучно, она курит сигареты одну за другой и ищет на автомагнитоле музыкальную волну. В динамиках свистит и трещит, а потом в этот треск вплывает густой, как смола голос Джима Морриса и волшебные переливы электрооргана.

– Riders on the storm

Riders on the storm

Into this house we're born

Into this world we're thrown...

– поёт Моррисон.

– Опять эта чертова молодежная музыка, – ворчит Айла, – какие же идиотские песни! О чем это он поет, хотелось бы знать?

– Твоя правда, – соглашается с напарницей Джек.

Это крупный, немолодой уже мужчина с обветренным недобрим лицом и щеткой пшеничных усов. Откинувшись в кресле, он смотрит на шоссе за ветровым стеклом узкими, словно щелки глазами.

– И эту дрянь крутят теперь на каждой волне! – продолжает злиться Айла.

Она вертит ручку магнитолы, пока не находит кантри. Том вздыхает и ерзает на сиденье полицейского «форда». На мгновение в зеркальца заднего вида он видит свое лицо – беспокойные голубые глаза, облупившийся от загара нос, выгоревшие на солнце спутанные светлые волосы. Том уже исполнилось восемнадцать, он хорошо сложен, но худощав и невысок ростом и из-за этого выглядит, словно мальчишка.

– Эта музыка и наркотики погубили целое поколение, – не может успокоиться Айла, – и куда только катится эта страна! Полюбуйся хотя бы, вот на этого красавчика!

– Сынок, скажи на милость, зачем ты шляешься с этими хиппи? – спрашивает Джек, – ты же гробишь свою жизнь! Почему бы тебе не найти работу вместо того, чтобы бродяжничать?

В ответ Том только пожимает плечами.

– Все они такие, – говорит Айла, – ходят лохматые и грязные, как дикари, курят дурь и ищут на помойках еду. А еще трахаются друг с дружкой и бренчат на гитарах... А я работала с четырнадцати лет, а потом пошла учиться в полицейскую академию.

Мне было некогда курить дурь и валяться голой в кустах!

Айла оглядывается с переднего сиденья и пристально смотрит на Тома.

У неё невыразительное широкое лицо, полные губы и густые черные брови. Её черные волосы коротко острижены. У Айлы смуглая кожа с красноватым оттенком, она метиска.

Молодому человеку становится не по себе от взгляда Айлы. Том отворачивается, смотрит за окно и понимает, что до Ханнибала ещё далеко.

– Всех этих лоботрясов нужно пороть, как следует – говорит задумчиво Айла, – я до сих пор помню, как меня отец драл ремнем. Неделю без хорошей выволочки не проходило. Всю дурь из моей головы выбил. Обидно было конечно... Зато теперь я ему благодарна.

– Твоя правда, Айла, – кивает Джек.

Он тоже оглядывается на Тома, сидящего на заднем сиденье, и спрашивает,

– Скажи, сынок, у тебя есть отец?

– Нет, сэр, – отвечает Том негромко, – и матери тоже нет.

– У Тома из родных только старшая сестра, – говорит Айла, – Полли, кажется... Да, Полли Клеменс, я звонила ей из участка, сказала, что мы привезем ей брата живым и невредимым.

– Ну, теперь понятно, почему ты спутался с этой шпаной, – вздыхает Джек.

– Помяни мое слово, мальчишка через неделю будет снова валяться на берегу обдолбанный и пьяный. А кончится все еще хуже... Джек, останови машину! – говорит неожиданно Айла.

Джек косится на напарницу, но, ничего не спрашивая, съезжает на обочину и тормозит. Он выходит из машины, оглядывается по сторонам, проводит кончиками пальцев по усам. Над старым шоссе висят фиолетовые тучи, начинается смеркаться. Пахнет бензином, пылью, травой и полевыми цветами.

– Выходи, сынок, – говорит Джек, распахивая заднюю дверцу.

– Зачем? – испуганно спрашивает Том.

Айла обходит машину и останавливается у Джека за спиной. Она держит руки на широком форменном ремне. Ветерок ерошит черные, коротко остриженные волосы Айлы.

– Мы хотим помочь тебе, Том, – в её голосе Тому слышится рычание крупной хищной кошки. – Мы с Джеком хотим уберечь тебе от беды. Тебе не следует бродяжничать и пить алкоголь. В твоём возрасте, Том, нужно учиться и работать. Мы хотим, чтобы ты это хорошенько запомнил.

Тома пугает этот низкий вкрадчивый голос Айлы, вечерняя тишина и безлюдное шоссе.

– Нет, не выйду, – тихо говорит Том и отодвигается в угол.

– Я не хочу вытаскивать тебя за волосы, – говорит Джек, посмеиваясь в усы. – Ну же, вылезай!

Том, понурив голову, вылезает из машины. Айла кладет ему руку на плечо и ведет за собой. Метиска чуть выше Тома. У нее широкие бедра. Форменные полицейские брюки сидят на её полных мясистых ляжках без единой складочки. Рукава синей рубашки подвернуты. От метиски пахнет сигаретами и лаймом.

Они обходят машину и останавливаются возле багажника. В руке Айлы Том замечает наручники.

– Руки, – говорит метиска.

Том прячет руки за спину. Он оглядывается по сторонам, раздумывая, а не рвануть ли ему через заросшее бурьяном поле?

– Делай, как она говорит, – советует ему Джек.

Джек похож на медведя, вставшего на задние лапы, рядом с ним Том чувствует себя маленьким мальчиком. У Джека узкие глазки, пропавшие в складках на обветренном лице и коротко остриженные пшеничные волосы, похожие на паклю.

Том протягивает Айле руки, и метиска ловко защелкивает браслет на левом запястье Тома.

– Нагнись к бамперу.

Том послушно наклоняется. Айла дергает его за наручники, и Том наклоняется еще ниже, сгибается пополам. Тогда Айла пропускает цепочку наручников за поперечину бампера и ловко защелкивает другой браслет на правом запястье Тома.

Теперь Том пристегнут наручниками к бамперу полицейской машины. Он стоит на шоссе, неудобно согнувшись, стальные браслеты давят на запястье, и волосы падают ему на глаза.

– Что вы делаете, мэм? – спрашивает Том и слышит, как дрожит его голос.

Ему страшно, во рту пересохло, ноги дрожат и подгибаются в коленях.

Айла подходит ближе и прижимается широкими бердами к узкой заднице Тома.

Её ловкие пальцы расстегивают пуговицу на поясе джинсов. Одним движением Айла расстегивает молнию и сдергивает с бедер Тома старые потертые джинсы. Том чувствует дыхание Айлы на своей шее. Он слышит острый и немного пряный запах пота

метиски. От этого запаха, от близости женщины, от прикосновения её широких бедер у Тома начинает кружиться голова.

– Хорошая порка, вот, что тебе нужно, – низким голосом в самое ухо Тома говорит Айла.

Она снимает с пояса рацию и кладет на багажник полицейской машины. Потом расстегивает пряжку и вытаскивает широкий кожаный ремень из штрипок форменных брюк. Том смотрит на нее сквозь упавшие на лицо волосы.

– Вы не можете так со мной поступить, – говорит Том, – вы же полицейские...

– Это для твоей же пользы, сынок, – отвечает Джек.

Он щелкает зажигалкой раз и другой, глубоко затягивается и выдыхает облачко серого табачного дыма.

Том мотает головой, словно лошадь, отбрасывая волосы с лица. Молодой человек стоит на шоссе со спущенными джинсами, пристегнутый наручниками в бамперу полицейской машины. Его худые голые ноги молочно светятся в летних сумерках. Черные трусы плотно обтягивают узкие ягодицы Тома. В высокой траве возле шоссе трещат цикады.

У Айлы в руках тяжелый и широкий ремень. Чтобы сделать его покороче, Айла зажимает пряжку в руке и наматывает ремень на кулак.

– Послушайте, мэм, – торопливо говорит Том, – в этом нет необходимости! Мне и так сегодня достанется от сестры. Поверьте, моя старшая сестра Полли, она еще как...

– Я просто хочу, чтобы ты не спустил свою жизнь под откос, – замечает Айла.

– Поверьте, мэм, мне восемнадцать, но Полли до сих пор меня наказывает. Если бы вы знали, как мне достается!

– Если бы тебя хорошенько пороли дома, ты бы не связался с этими чертовыми хиппи, – отвечает на это Джек, дымя сигареткой.

Том облизывает пересохшие от волнения губы,

– Пожалуйста, мэм, не делайте этого!

Светлые выгоревшие на солнце волосы падают ему на глаза.

Айла усмехается и хорошенько втягивает Тома Клеменса кожаным ремнем по ягодицам. Том коротко вскрикивает, он дергается всем телом, и браслеты наручников впиваются в его запястья.

Подождав немного, Айла снова отводит руку назад. Ремень с низким гулом рассекает воздух и впивается в ягодицы Тома. В этот раз Том сдерживает крик, он только глухо мычит сквозь зубы и приседает возле машины.

– Неужели так больно? – удивляется метиска.

Том оглядывается и видит, как Айла снова отводит руку с ремнем.

– Мэм, не надо! Послушайте...

Удар ремня обжигает кожу словно кипяток. Том не может устоять на ногах и падает на колени возле машины.

– Ты же не станешь больше бродяжничать? – спрашивает его Джек голосом заботливого дядюшки. – Возьмешься за ум, устроишься на работу, станешь помогать своей старшей сестре Полли...

И в эту самую минуту из густеющих сумерек со стороны Ханнибала выезжает старенький «плимут» цвета кофе с молоком и останавливается возле полицейской машины.

– Вот, же черт! – ругается сквозь зубы Айла.

Джек бросает окурок на потрескавшийся асфальт, тушит его каблуком и не торопясь направляется к «плимуту».

Стекло со стороны водителя опущено, в салоне темно, но зеленоватый отсвет приборной панели падает на худощавое лицо пожилой белой женщины. Эта дама похожа на школьную учительницу, у нее очки в толстой оправе и тонкие скорбно поджатые губы.

– Что здесь происходит, офицер? – спрашивает сидящая в старом «плимуте» женщина.

– Все в порядке, мэ. Проезжайте, – Джек подходит ближе и закрывает своей широкой спиной Айлу с ремнем в руке и пристегнутого к бамперу Тома с болтающимися на икрах джинсами.

– Будьте так любезны, назовите свое имя, – говорит ровным голосом пожилая дама, – а так же сообщите мне номер вашего полицейского жетона и жетона вашей напарницы. Хочу вас предупредить, мой муж не последний человек в штате.

Айла быстро подходит и выглядывает из-за спины Джека.

– Здравствуйте мэ, меня зовут Айла, а это Джек. А как к вам обращаться?

– Миссис Буковски. Катарина Буковски, – пожилая дама строго смотрит на полицейских сквозь сильные стекла очков, – мне показалось, что я стала свидетелем полицейского произвола. Но может, я все неверно поняла? Вы не объясните мне, что здесь происходит?

Джек фыркает в усы и отворачивается в сторону, но Айла кладет руку ему на плечо.

– Это хиппи, – говорит она, оглядываясь на Тома, – грязный хиппи.

– И что же?

– Вчера была большая полицейская операция, – рассказывает Айла, – выше Сент-Луиса на берегу Миссисипи жили в палатках хиппи. Несколько сотен потерянных молодых людей. Ну, вы знаете, алкоголь, свободная любовь, наркотики...

– Да, это напасть нашего времени, – согласно кивает миссис Буковски.

– Мы с Джеком участвовали в облаве. Кто-то убежал, но многих молодых людей нам удалось задержать и установить личность. Вот этого молодого человека зовут, Том Клеменс. Мы везем Тома домой, в Ханнибал.

Том стоит на коленях возле полицейской машины и напряженно прислушивается к разговору. Его ягодицы саднят от ударов ремнем, а мелкие камешки больно врезаются в колени.

– Мы решили преподать этому молодому человеку урок, – объясняет Джек и глухо кашляет в кулак. – Думали отучить его бродяжничать. Только и всего.

– Наверное, нам не стоило так поступать, – тихо говорит Айла.

– Нет! – решительно возражает мисс Буковски. – Я полагаю, что только так с этими чертовыми хиппи и нужно обходиться! Хорошая порка вот в чем, на мой взгляд, нуждаются эти молодые бездельники.

Айла улыбается миссис Буковски.

– Значит, вы не считаете, что стали свидетелями полицейского произвола? – спрашивает метиска и снова наматывает ремень на кулак.

– Что за вздор? – удивляется Катарина Буковски. – Какой же это произвол?

Миссис Буковски достает из портсигара тонкую сигаретку. Полицейский Джек нагибается и галантно шелкает зажигалкой. Миссис Буковски затягивается,

– Спасибо, молодой человек.

Айла медленно подходит к Тому. Глаза метиски светятся в густеющих сумерках, словно у кошки.

– Пожалуйста, мэ! – просит её Том, – хватит уже... Ну, правда! Я больше не стану бродяжничать!

Айла наклоняется к Тому.

– Я тебе верю, – говорит она своим низким голосом, от которого у Тома мурашки бегут по спине. – Ты хороший мальчик. Ты случайно связался с этой компанией и теперь возьмешься за ум. Но я хочу, чтобы ты не позабыл о своем обещании, ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц. Ты меня понимаешь?

Том шмыгает носом.

– Ты меня понимаешь?

– Да, мэ.

Уже стемнело, и над заросшим бурьяном полем поднялась ущербная яркая луна. Айла заглядывает в кабину и включает фары. Джек и миссис Буковски, словно зрители смотрят из сумрака зала на сцену. Вечерний воздух неподвижен, в придорожных кустах трещат цикады. Айла не торопясь охаживает Тома черным кожаным ремнем. Раз за разом ремень с громким треском ложится поперек худых мальчишеских ягодичек. Катарина Буковски с живым интересом наблюдает за наказанием. Она кивает в такт звонких шлепков и улыбается тонкими бесцветными губами. Миссис Буковски забывает затянуться сигаретой и та превращается в столбик пепла. На голых ляжках и бедрах Тома проступают лиловые припухшие следы от ударов ремня. У Айлы тяжелая рука.

Чудесная летняя ночь. Старый в два этажа бревенчатый дом Клеменсов в Ханнибале. Кабинет мисс Клеменс на втором этажа. Просторная комната. Окно задернуто глухими шторами. Невысокий диванчик возле стены. Вдоль другой стены – полки от пола до потолка заставленные книгами, альбомами, журналами и папками с газетными вырезками. Возле окна – широкий письменный стол. На потемневшей от времени столешнице – лампа под матовым абажуром, печатная машинка, несколько блокнотов, гляцевый журнал с девицами в бикини, пепельница, полная сигаретных окурков и чашка с остывшим кофе.

За столом, откинувшись в кресле и сложив руки на груди, сидит Полли Клеменс, старшая сестра Тома. Сам Том стоит возле стола на границе круга света и, насупившись, смотрит мимо сестры в темный угол кабинета.

– Какой кошмар! – говорит Полли, сердито поджав губы. – Тебя привезли домой в полицейской машине. Хорошо хоть ночью! Очень надеюсь, миссис Тэтчер не видела... А кончится все тем, что ты, Том, угодишь за решетку!

Том молчит, ему нечего сказать.

Полли качает головой и тянется к пачке сигарет. Этой весной старшей сестре Тома исполнилось двадцать шесть. У Полли Клеменс яркие голубые глаза, полные красиво очерченные губы и маленький курносый носик. Волосы такие же светлые, как у брата, прямые и длинные. Полли прекрасно знает, что похожа на хорошенькую куклу и культивирует этот образ. Она носит круглые очки в стальной оправе, потому что близорука, и еще, эти очки помогают Полли выглядеть серьезней и старше, как пристало редактору журнала «Hot Missouri Girls».

– Ты обещал, что больше не будешь сбегать из дома, – упрекает Тома сестра.

– Прости.

– Прости? – переспрашивает его Полли и бросает незажженную сигарету на стол. – И это все? Просто «прости»? Тебя не было четыре дня! Я думала, что тебя убили, или ты стал наркоманом или утонул в реке! Я не могла работать, не могла спать. Потом я все же уснула, и мне приснилось, что нужно ехать в морг, чтобы опознать тело. И вот мы едем по какой-то дороге мимо кукурузных полей и все никак не можем приехать... Я четыре дня места себе найти не могла! Я с ума сходила, а тебе все равно!

– Неправда, – говорит Том.

– И еще у меня нет девушки месяца для обложки журнала. А еще Урсула от нас уходит и мне нужно искать новую горничную... А ты где-то шляешься! Ох, Том! У меня голова от этих сигарет трещит... Ну, чего стоишь столбом, иди ко мне!

Том обходит стол, наклоняется и обнимает сестру.

– Не смей убежать из дома!

– Не буду, – обещает Том.

– Сегодня уже поздно, – говорит Полли, – завтра с утра, скажу Урсуле, чтобы хорошенько выдрала тебя тростью.

– Полли! Мне и так сегодня досталось! – Том отстраняется от сестры и отходит на шаг назад.

– Сам же знаешь, что заслужил, – говорит Полли и смотрит на брата с улыбкой, – иди уже спать в свою хижину. Полночь скоро.

Вздохнув, Том выходит из кабинета, быстро спускается по скрипучей лестнице и через заднюю дверь попадает в сад. В полуночном небе среди россыпи бледных звезд стоит ущербная луна. Трещат цикады. Яблони и апельсиновые деревья, освещенные лунным светом похожи на декорации. Том идет через сад, пока тропинка не приводит его к маленькому летнему домику, притулившемуся возле старого бука. Открыв дверь, Том оглядывается на старый дом Клеменсов, который, словно утес темнеет промеж посеребренных лунной плодовыми деревьями. На втором этаже в кабинете Полли окно все горит. Том переступает через порог и закрывает за собой дверь. Он находит в кармане спички и зажигает керосиновую лампу, стоящую на столике. Теплый красноватый свет, мигающий и подвижный, раздвигает мрак внутри летнего домика, и становится видна кровать, застеленная клетчатым одеялом, табурет с изрезанным ножом сиденьем, маленькое окошко, задернутое занавеской, постеры рок-групп на стене и длинная полка, заставленная растрепанными книжками.

– Ну вот, я и дома...

Том останавливается возле книжной полки и проводит пальцем по корешкам – Артур Кларк, Альфред ван Вогт, Клиффорд Саймак, Роберт Хайлайн, Айзек Азимов... Все эти романы Том прочел по несколько раз. Он помнит их наизусть, но ему хочется что-то почитать перед сном, все равно что. Закрыв глаза, Том выбирает книжку наугад и с размаху валится на кровать, но тут же, охнув, переворачивается на живот. Исхлестанные ремнем ягодицы саднит, и Том понимает, что сегодня будет спать на животе. Он открывает книжку посередине. Свет керосиновой лампы ложится на страницы. Том видит иллюстрацию, на картинке – старый сторожевой корабль, висящей в пустоте космоса, на дальних рубежах Империи. Том пытается читать, но буквы расплываются перед глазами и книга падает из рук на пол.

ГЛАВА ВТОРАЯ СТОРОЖЕВОЙ КОРАБЛЬ «МАРК ТВЕН». ЭПСИЛОН МАЛОГО ПСА

Галактическая гендерная война идет уже не первое столетие, по правде сказать, никто не помнит, когда и почему эта война началась.

Том Клеменс стоит на мостике старого сторожевого корабля «Марк Твен» с чашкой горячего кофе в руках. Молодой человек разглядывает трехмерную карту галактики, висящую посреди изогнутого подковой помещения. Синие огоньки – это звезды под правлением патриархата, а розовые огоньки – это миры, где безраздельно правит матриархат, в этих планетарных системах мужчина может быть только рабом. Синих и розовых огоньков на карте примерно поровну. Линия фронта угадывается в межзвездной пустоте неровным изломом.

Том протягивает руку и поворачивает трехмерную схему, он меняет масштаб и приближает созвездие Малого Пса, пока не находит Эпсилон. Том видит планетарную систему – маленькие камешки планет летят по эллиптическим орбитам вокруг желтого пылающего гиганта. На второй и третьей планете, если считать от Эпсилона Малого Пса – рудники, на пятой – Академгородок, а над седьмой планетой, на высокой орбите кружится целый промышленный комплекс, там, в условиях низкой гравитации отливают зеркала для фотонных ракет. Сторожевой корабль, в рубке которого стоит сейчас Том Клеменс, словно восьмая планета летит вокруг желтой звезды, обшаривая мертвый космос невидимыми лучами лазерных радаров.

Том делает хороший глоток кофе. Он щелкает пальцами, и схема галактики гаснет. С кружкой в руках Том не спеша обходит рубку, поглядывая на мониторы. Во всех секторах чисто, нет никаких неопознанных объектов двигающихся к системе Эпсилон Малого Пса из межзвездной пустоты.

– Порядок, – говорит сам себе Том.

Молодой человек опускается в кресло первого пилота. В кресле второго пилота лежит Итон – худощавый черноволосый паренек. У Итона нос картошкой и клочковатая щетина на скулах и подбородке. Он читает комикс.

Здесь на дежурстве всегда так – никогда ничего не случается. Скука страшная! Сторожевой корабль «Марк Твен» – это последний рубеж обороны. От системы Эпсилона Малого Пса до линии фронта, расколовшего галактику, пара парсеков. Там сейчас тоже затишье, в ледяной пустоте космоса плывут боевые башни, похожие на гигантские шестерни, ошестинившиеся излучателями и торпедными батареями, а между башен беззвучно, словно гладкие зеркальные камешки, скользят звенья истребителей. Следом за поясом боевых башен начинается вторая линия обороны. Здесь тянутся минные поля, межзвездная пустота нашпигована буйками с излучателями и поисковыми спутниками, даже плывущие в пустоте астероиды оснащены радарными и торпедными установками. Никому, кроме утлого суденышка, сквозь вторую линию обороны не просочиться, да и этому смельчаку понадобится изрядная доля удачи. И все же, если этот смельчак чудом проскользнет мимо боевых башен, проползет сквозь минные поля и паутину невидимых лучей и выплывет из межзвездной пустоты на окраине планетарной системы Эпсилона Малого Пса, то здесь его поджидает сторожевой корабль «Марк Твен» с лазерными пушками и истребителями на борту.

Итон начинает клевать носом, журнал комиксов выскальзывает из его руки и падает на пол.

– Не спать на дежурстве! – строго окликает Итона Тома Клеменс.

Итон вздрагивает и садится в кресле. Пустыми спросонья глазами паренек смотрит на мониторы радаров. На всех мониторах по-прежнему тишь да гладь.

– Есть, не спать на дежурстве, – отвечает Итон сильным голосом.

Том только качает головой. Он допивает кофе и ставит чашку в держатель на подлокотнике. На Томе и Итоне серая со стальным отливом форма офицеров Звездного Флота. Узкие брючки с малиновыми лампасами и куртки со стоячими воротничками. Костюм пошит из армированной синтетики с дышащей мембраной. Тому Клеменсу нравится форма ЗФ, и, стоит сказать, она отлично на нем сидит. А вот Итон всегда выглядит неряхой, и куртка у него мятая, словно жеванная, хотя синтетическая ткань вроде не мнется, и на брюках у него гармошка.

Том Клеменс хмуро поглядывает на монитор, показывающей корабельное время. Им с Итоном дежурить еще три с четвертью часа. Потом время для сна, потом сутки отдыха и снова заступать на дежурство. Одним словом, рутина. Когда Том учился в звездной академии, он мечтал о другом. Но гендерная война в галактике уже давно свелась к локальным стычкам. Обе стороны, образно говоря, сидят в окопах. И вместо схваток на истребителях и участия в звездных баталиях Тому досталось дежурство на старом сторожевом корабле «Марк Твен» на самой что ни есть периферии.

Том зеваает и прикрывает глаза. Он видит Землю, какой-то тихий городок, симпатичные домики в один-два этажа, безлюдную улочку и старые вязы, стоящие вдоль тротуаров. Искривленные ветви вязов образуют лиственный свод, на щербатом асфальте лежит густая тень, и солнечный свет горит там и сям, словно россыпь золотых монеток...

Том начинает задремывать и тут слышит громкий неприятный сигнал зуммера.

– Том! – окликает его взволнованным голосом Итон, – третий сектор обзора. На двенадцать часов.

Том открывает глаза и смотрит на монитор третьего радара. Он видит, как сквозь мертвый космос в сторону «Марка Твена» ползет маленькая мигающая искорка.

– Третий сектор, на двенадцать часов, – повторяет Том, – движущийся объект. Координаты цели... Линейная скорость...

Том тянется к панели управления, откидывает пластиковый блистер и нажимает красную тревожную кнопку.

Капитан Иеремия сидит в кресле пилота со старой гитарой на коленях и, прищурясь, смотрит на монитор радара. У капитана огненно-рыжая борода и длинные волосы, собранные в конский хвост. Ростом Иеремия под два метра и худой точно жердь.

– На что они рассчитывали, я не понимаю, – говорит задумчиво капитан и перебирает струны гитары. – Какой это класс?

– Это яхта класса А, – отвечает Том, – легкое вооружение, небольшой тоннаж...

На мониторе радара отчетливо видно, как два истребителя, поднявшиеся с палубы «Марка Твена», легко скользят по зеленоватому мерцающему полю, обходят с двух сторон и берут в «клещи» корабль противника. Том знает, что на одном истребителе летит Джонатан по кличке Поросенок, а на другом – Майкл. На одно мгновение сетка координат на мониторе, как будто расплывается и мутнеет, а потом снова становится четкой. Это Майкл оглушил врага электромагнитным импульсом, выжигая всю электронику на борту и превращая межзвездную яхту класса А в коробку из металла и пластика.

– Я их поджарил, кэп, – Том узнает голос Майкла по громкой связи. – Даже дернуться не успели!

– Майкл, набрось на яхту лассо и тащи к нам, – говорит Иеремия и беспокойно тербит свою окладистую бороду.

На мониторе три точки сливаются в одну, истребители сблизилась с яхтой, загарпунили ее силовыми якорями и теперь медленно тянут в сторону дрейфующего неподалеку «Марка Твена».

– И все же, зачем они здесь? – спрашивает капитан Иеремия Тома.

Том только пожимает плечами.

– Вот и я не знаю, – вздыхает Иеремия и перебирает струны на гитаре.

Девушки стоят посреди кают-компания. Они безоружны, на запястьях и щиколотках обеих поблескивают силовые браслеты. Брюнетка – высокая и широкоплечая, словно парень. У неё округлое лицо, накрашены темной помадой полные губы и маленький, словно кнопка нос. Черные волосы заплетены в две короткие косички. Спортивный костюм у неё тоже черного цвета. Вторая девушка худенькая, невысокого роста, у нее каштановые кудряшки и капризная мордашка. Её спортивный костюм розового цвета.

– Сперва я хочу услышать ваши имена, – говорит капитан Иеремия.

Кают-компания – это просторное помещение овальной формы, её стены обшиты композитными панелями под дерево. Посреди кают-компания стоит длинный стол, на столе – сифон с содовой и стаканы из небьющегося стекла. Вокруг стола расставлены кресла. Здесь собралась вся команда, только Итона оставили на мостике следить за мониторами. Во главе стола сидит капитан Иеремия, по правую руку от капитана – Майкл. Майкл – пилот, как Том и Джонатан. Это крепко сбитый паренек, с круглыми, как у кота глазами, и светлыми коротко стриженными волосами. Майкл слишком много времени проводит в солярии, у него розовое от ультрафиолета лицо, и кожа на носу облезла. По левую руку от капитана Иеремии сидит Джонатан и пьет содовую из стакана. У Джонатана длинные вьющиеся волосы, румяные щеки и покатые женские плечи. Том подпирает стену, он уже всю задницу отсидел за время дежурства. Механик Стэн, неразговорчивый, похожий на индейца паренек в комбинезоне со множеством карманов, стоит в дверном проеме, сложив на груди руки.

– Меня зовут Эмми. Эмми Лоуренс, – отвечает первой девушка в черном спортивном костюме.

У неё низкий голос. И еще Эмми растягивает слова, на манер уроженцев системы Альтаир.

– А я Бекки Тэтчер, – говорит другая, та, что в костюме розового цвета.

– Очень приятно, леди, – говорит Иеремия, поглаживая бороду. – А меня зовут Иеремия Босх, и я капитан сторожевого корабля «Марк Твен»... Итак, мисс Тэтчер и мисс Лоуренс, хочу сообщить вам, что по закону военного времени ваше транспортное средство уничтожено, а вы взяты в плен. И ваша судьба теперь всецело в моих руках.

– Но мы не знали, что находимся на территории патриархата, – говорит Эмми, – у нас вышла из строя навигационная аппаратура. А еще, метеорит сбил тарелку дальней связи. Мне пришлось ориентироваться по звездам, а штурман я никакой.

Эмми Лоуренс с совершенно серьезным лицом смотрит на Иеремию своими большими, немного на выкате глазами. Но Бекки Тэтчер не может сдержаться, она хихикает и прикрывает ладошкой рот.

На щеках Иеремии проступает румянец. Он массирует кончиками длинных тонких пальцев виски и откидывается на спинку кресла.

– Ах, вот как, – говорит капитан ровным и тихим голосом.

– Мы не участвуем в военных действиях, сэр, – заявляет Эмми Лоуренс. – Мы гражданские лица. Мы с подружкой филологи. Мы посещаем поселения на краю галактики и собираем местные сказания и напевы.

Бекки снова принимается хихикать.

– Ох, зря это они, – думает про себя Том.

Молодой человек ежится, живо вспоминая выволочку, которую устроил ему Иеремия на прошлой неделе.

– Вас, кажется, что-то рассмешило? – вежливо спрашивает капитан Бекки Тетчер.

– Да, сэр... То есть нет, сэр... – отвечает Бекки.

Тут Эмми Лоуренс фыркает и начинает хохотать. Крупное тело девицы дрожит от хохота, Эмми всхлипывает и стонет. Наконец, она успокаивается, находит платок и вытирает выступившие на глазах слезы.

В кают-компании стоит мертвая тишина. Все боятся взглянуть в сторону капитана. А Иеремия сидит в кресле с застывшим лицом, и его окладистая рыжая борода пылает, словно жаровня.

– Довольно, – говорит, наконец, капитан Иеремия, – Майкл, отведи пленных в экзекуторскую.

Телесные наказания на Звездном Флоте были воспетой в веках славной традицией. На каждом корабле ЗФ была оборудована стандартная экзекуторская камера. Посреди такой камеры устанавливали козлы из углепластика с телескопическими раздвижными опорами и гибкими скобами для фиксации рук и ног. Был и прикрученный к полу хромированный стеллаж. На стеллаже хранились орудия для телесных наказаний – паддлы из углепластика, силиконовые прутья с карбоновыми сердечниками, раздвоенный шотландский ремень из жесткой экокожи и легендарная «семихвостка» – плетка-флогер с семью кожаными шнурками. Под потолком для различных надобностей крепились металлические штанги.

Весь экипаж «Марка Твена» побывал в экзекуторской камере. У каждого случались ошибки и досадные промахи, за которые приходилось расплачиваться.

Иеремия был капитаном строгим, но справедливым. И никто из экипажа не был на него в обиде. Том Клеменс лежал на этих козлах, наверное, с дюжину раз, и пускай Иеремия ограничивался обычно двадцатью горячими, Тому приходилось держаться изо всех сил, чтобы не вопить, как девчонка.

Попав в экзекуторскую, Бекки краснеет, нервно смеется и прижимается к подружке. Эмми напротив, становится бледной, как полотно, она старается держать себя в руках, но видно, что Эмми тоже не на шутку напугана. В экзекуторской камере Тому тоже становилось не по себе не то из-за гулкой пустоты помещения, не то из-за яркого белого света, лившегося с потолка, сам вид функциональных козел для порки утешал.

– Послушайте, капитан, – говорит Эмми, нахмурившись, – существует, в конце концов, конвенция об обращении с военнопленными...

– Ха-ха-ха, – деланно смеется Иеремия.

Капитан проходит мимо козел, заложив руки за спину. Его потертые сапоги с подковками гравитаторов на каблуках негромко стучат по пластиковому покрытию пола. За изогнутым обзорным монитором, висящим на стене, плывет бездонный космос с россыпью далеких звезд.

– Нет, правда, смешно, – говорит Иеремия, – мы все знаем, как поступают с этой конвенцией по обе стороны фронта. Я слышал, из наших парней, попавших в плен, делают рабов для сексуальных утех, а многих продают, как скот на отсталые планеты. Да, такие вот дела... Я

же, мисс Лоуренс, всего-навсего хочу получить ответы на свои вопросы. А еще я хочу научить вас хорошим манерам. Вы отчего-то решили, что можете насмеяться надо мной.

– Вы не посмеете так со мной поступить...

Капитан Иеремия предостерегающе поднимает руку.

– Ни слова больше! Майкл! Отведи мисс Лоуренс к козлам. А мисс Тэтчер пускай нам не мешает.

На правой руке Майкла, на указательном и среднем пальце поблескивают два массивных кольца. Эти кольца управляют силовыми браслетами на щиколотках и запястьях пленниц. Усмехаясь, Майкл смотрит на Бекки своими круглыми кошачьими глазами. Он гладит пальцем одно из массивных колец на правой руке, потом делает сложный командный жест, словно рисует в воздухе спираль, а нарисовав, указывает пальцами на потолок. Силовые браслеты на запястьях Бекки послушно дергают руки девицы вверх, так высоко, что Бекки вскрикивает от неожиданности и вытягивается во весь рост. Браслеты цепляются за одну из хромированных штанг, проходящих под потолком помещения.

Майкл облизывает губы и оборачивается к Эмми. Он проводит пальцем по другому кольцу и снова делает командный жест. Магнитные браслеты на запястьях Эмми сцепляются друг с дружкой, словно наручники. Майкл делает шаг к козлам, и браслеты тянут девицу следом.

– Нет... – Эмми кусает губы, – нет, я не пойду!

Магнитные браслеты дергают и тащат Эмми за запястья. Эмми упирается, ее ноги в спортивных туфлях скользят по полу.

Капитан Иеремия вытряхивает из коробки пять зубочисток. Одну зубочистку Иеремия ломает пополам.

– Капитан, вы не можете так со мной поступить! – кричит Эмми Лоуренс.

Девица лежит ничком на козлах из углепластика. Её запястья и щиколотки пристегнуты к телескопическим опорам козел силовыми браслетами.

Иеремия усмехается в рыжую бороду.

– Что у вас за миссия, мисс Лоуренс?

Закусив губу, Эмми смотрит мимо капитана на изогнутый обзорный монитор, висящий на стене. На экране монитора всё тоже – ледяной космос с россыпью далеких звезд.

Капитан пожимает плечами. Отвернувшись, он прячет в кулак зубочистки.

– Тяните жребий.

Майкл улыбается неприятной улыбочкой, его круглые кошачьи глаза азартно блестят. Он протягивает руку, мгновение медлит, а потом тянет за среднюю зубочистку.

– Длинная, – разочарованно говорит Майкл и бросает зубочистку на пол.

– Какие же вы все козлы! – ругается Бекки.

Она вертится, прикованная за запястья к хромированной штанге под потолком, и шипит от злости.

Джонатану и Стэну тоже не везет.

– Ну, Том, теперь ты, – говорит Иеремия, улыбаясь в бороду.

Обычно Том не против развлечься, но сегодня он отстоял вахту и сейчас за милую душу завалился бы спать. И конечно, именно Том вытягивается обломанную зубочистку.

– Вот мой приказ, Том, – говорит капитан Иеремия, – поучите мисс Лоуренс хорошим манерам.

– Слушаюсь, сэр!

Том не торопясь снимает форменную куртку и вешает на крючок в стене. Он остается в серой плотно прилегающей к телу футболке и узких брюках с малиновыми лампасами.

Сперва Том раздумывает, а не отходить ли Эмми Лоуренс «семихвосткой», но все же решает не выделываться. Том выбирает карбоновые прутья в силиконовой оплетке. Он на своей шкуре знает, каково это получить десяток таких прутков.

Зажав прут подмышкой, Том обходит козлы и в нерешительности останавливается у Эмми Лоуренс за спиной. Черная синтетическая ткань спортивных брюк гладко натянута на широких бедрах девицы. Округлые ягодицы Эмми похожи на футбольные мячики.

– Шевелись, Клеменс! – окликает его Иеремия.

– Слушаю, сэр, – по-строевому отвечает Том.

Том чувствует, как на него смотрит вся команда – капитан усмехается в рыжую бороду, у Джонатана большие испуганные глаза, Стэн притворяется невозмутимым индейцем, а с лица Майкла не сходит эта противная сальная улыбочка.

Том встает сбоку от козел. Карбоновый прут приятно пружинит в руке. Том Клеменс размахивается и стегает Эмми поперек ягодиц. Прут с громким треском впивается в тонкую синтетическую ткань. Девица мычит сквозь стиснутые зубы и принимается вертеться на козлах. Тому кажется, что сквозь него пропустили электрический ток. Его ладони становятся влажными от пота.

– Вы за это ответите! Вы все! – кричит Бекки Тэтчер.

Глаза Бекки яростно сверкают. Кудряшки падают ей на лицо. На щеках проступает яркий румянец.

Карбоновый прут тонко свистит в воздухе. Он падает на круглые ягодицы Эмми, изгибается и отскакивает назад. Эмми коротко вскрикивает. Том слышит, как кровь стучит у него в висках. Его член твердеет, поднимается в узких форменных брючках и упирается головкой в ширинку.

– Мисс Лоуренс, скажите, какая у вас миссия, и я в тотчас прикажу остановить экзекуцию, – предлагает капитан Иеремия.

– Да, капитан, – отвечает, часто дыша, Эмми Лоуренс. – Я скажу, почему не сказать... Мы с подругой филологи. Мы собираем сказания, напевы и всякие там частушки...

– Может быть, вы мне скажите, мисс Тэтчер?

– Иди к черту! – шипит Бекки.

– Как грубо, – притворно обижается Иеремия, – Ну, раз так... Том, продолжайте!

Том хорошенько стегает Эмми карбоновым прутком раз, другой и третий. Девица вертится на козлах и мычит сквозь зубы. Тонкая синтетическая ткань спортивных брюк рвется от ударов прута. Сквозь прорехи видны припухшие лиловые полосы на бледной коже.

Капитан Иеремия подходит к козлам. Он наклоняется, берет Эмми рукой за подбородок и заглядывает в ее покрасневшие от слез глаза.

– Мне очень жаль, мисс Лоуренс, что до этого дошло, – говорит Иеремия, улыбаясь в рыжую бороду, – ведь мы могли общаться, как цивилизованные люди.

Эмми тяжело дышит. Том видит, как по вискам девицы стекают капельки пота.

– Зачем вы так далеко забрались за линию фронта? – спрашивает Иеремия, – что вам понадобилось в планетарной системе Эпсилон Малого Пса?

Эмми Лоуренс молчит и косит глазом на обзорный монитор, висящей на стене. Иеремия волей неволей оглядывается. На экране по-прежнему ровным счетом ничего интересного.

Капитан вздыхает.

– Том!

– Слушаюсь, сэр.

Том Клеменс размахивается карбоновым прутком. И в этот момент палуба уходит у него из-под ног. Яркий свет, льющийся с потолка, гаснет, а потом загорается снова, но уже вполсилы и как-то неуверенно, словно в любой момент может погаснуть.

Джонатан, испуганно охнув, садится на пол, прямиком на свою пухлую задницу.

– Что за черт! – ругается Иеремия.

– Смотрите, кэп! – кричит Стэн и показывает рукой на обзорный монитор.

Том бросает карбоновый прут на пол и оглядывается. Сперва ему кажется, что с монитором что-то случилось, это похоже на помехи, словно какая-то рябь размывает картинку. А потом Том понимает, что это вовсе не помехи, это искривляется само пространство за бортом сторожевого корабля. У Тома Клеменса кружится голова. Черная бездонная пустота и далекая россыпь звезд кажутся Тому отражением на поверхности воды, в которую кто-то бросил камень. По пространству расходятся волны, старый сторожевой корабль «Марк Твен» раскачивается на этих волнах, а какая-то часть материи тем временем все глубже и глубже прогибается внутрь себя...

– Я знаю, что это, – шепчет Иеремия, – это кротовья нора, червоточина... Но так не бывает! Это попросту невозможно!

И тогда Том слышит, как тихо смеется Эмми Лоуренс.

– Ну, вот и все! – кричит Бекки, – слышите, вот и все!

Том не может оторваться от обзорного монитора, он угадывает в черной межзвездной пустоте очертания гигантской воронки.

Иеремия хочет спросить что-то у Эмми Лоуренс, но не успевает, потому что из «кротовьей норы» медленно, словно в кошмарном сне, выплывает боевой линейный корабль с пылающими маршевыми огнями. Тело корабля странно искажено и растянуто, так, что на него неприятно смотреть. В глубоком тылу, за пару парсеков от линии фронта, на окраине планетарной системы Эпсилона Малого Пса из открывшейся, словно по волшебству червоточины выползает вражеский линейный корабль. И глядя на это чудо, Том понимает только одно – им нужно бежать со всех ног.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Погожее летнее утро.

Том мажет арахисовым маслом ломоть хлеба и смотрит за окно. Из окна гостиной ему видна зеленая лужайка перед домом, старые вязы, стоящие вдоль Хилл-стрит, и дом судьи Тэтчер напротив.

– Надо постричь лужайку, – замечает Полли.

В светлом клетчатом платье она сидит возле стола, закинув ногу на ногу. У Полли Клеменс красивые стройные ноги, разве что икры немного полноваты. На круглом колене дрожит солнечный зайчик. Сестра что-то быстро пишет в блокноте и раздраженно морщит лоб. Пряди соломенных волос лежат на ее плечах. Стекла круглых очков бликуют, и ее замечательных голубых глаз не видно.

На столе перед сестрой возле чашки с кофейной жижей лежат фотографии каких-то девиц. Пережевывая хлеб с арахисовым маслом, Том вытягивает шею, чтобы получше их рассмотреть.

– Вот две чудесные девушки, – говорит Полли, строча в блокноте, – мечтают стать моделями для нашего журнала. Они тебе нравятся?

И сестра толкает фотографии по столу, ближе к Тому. Том прихлебывает кофе и разглядывает фотографии.

– Вот эта блондинка, она хорошенькая... А другая, брюнетка, какая-то скучная.

– Да?

Мисс Клеменс берет фотографии со стола и смотрит задумчиво, то на одну, то на другую.

– Ну, не знаю... В блондинке есть что-то вульгарное, это, наверное, как раз то, что нужно мужчинам. Но мне хотелось найти что-нибудь поинтереснее. Что-то более пикантное...

Темнокожая горничная в длинном черном платье и белом фартуке с кружевной отделкой подходит к столу.

– Вам еще кофе, мэм? – спрашивает Урсула.

Это невысокая полная женщина лет сорока. У Урсулы большие темные глаза, широкий нос и толстые губы.

– Да, Урсула, спасибо, – бормочет Полли, нахмутив лоб, она рассматривает фотографии девушек.

Урсула ставит на стол чистую чашку. Горничная наклоняет сверкающий кофейник и из его носика в чашку льется дымящаяся струйка черного кофе. Мисс Клеменс достает из пачки сигарету, смотрит за окно на сверкающее летнее утро, потом оглядывается на горничную.

– Совсем забыла... Урсула, я хотела вас попросить. После завтрака отведите Тома в чулан.

– Полли! Мне и так вчера досталось! – возмущается Том. – Я тебе говорил, эти полицейские, они...

– Томас, я не желаю, чтобы ты шлялся неизвестно где с этими грязными хиппи, – выговаривает Полли брату строгим голосом. – Ты обещал, что никогда больше не станешь бродяжничать и не сдержал слово. Мне приходится краснеть из-за тебя перед соседями.

За спиной мисс Клеменс, сложив полные смуглые руки на груди, стоит Урсула со скорбным выражением на лице. Горничная кивает головой, соглашаясь с каждым словом Полли.

Том обиженно сопит носом и бросает недоеденный бутерброд на тарелку.

– И будь добр, доешь свой бутерброд. Арахисовое масло стоит денег, – замечает сестра.

Она зачеркивает что-то в блокноте и принимается писать снова.

Том послушно берет с тарелки кусок хлеба с арахисовым маслом, откусывает, жуёт и запивает кофе. Том по своему опыту знает, что сейчас лучше не пререкаться с сестрой.

– Каждый раз, когда ты сбегашь из дома, я места себе не нахожу! Я то и дело звоню в офис шерифа и спрашиваю, не нашли ли они твое мертвое тело, – продолжает Полли, не отрывая глаз от блокнота. – Я хочу, Томас, чтобы ты подумал об этом, когда тебя будет накачивать Урсула.

Она перелистывает странички назад и просматривает старые записи.

– Ах, Том, Том! – причитает горничная, – вы совсем не жалеете мисс Клеменс!

– Бим-бом! – звенит колокольчик в прихожей и снова, – Бим-бом! Бим-бом!

Полли смотрит на маленькие часики на запястье.

– А, вот и девочки пришли! – она поднимается из-за стола, подходит к Тому и целует брата в макушку.

– Ну же, Томас, не дуйся! Чтобы ни случилось, помни, я тебя люблю!

Джейн Риттер не торопясь идет вниз по тихой Хилл-стрит. Вдоль улочки стоят старые вязы, их ветви сходятся над головой Джейн, словно лиственный полог. На асфальте лежит крапчатая тень, в разрывах ветвей плывет бездонное летнее небо.

Этой зимой, в январе Джейн исполнилось двадцать лет. Её отец немец, а мать – афро-американка. Джейн – мулатка с кожей цвета какао и с вьющимися черными волосами. У Джейн большие карие глаза, полные, словно припухшие губы, высокие скулы и нос «уточкой». На левой щеке возле самого глаза у Джейн небольшое родимое пятно, формой похожее на звездочку. Сегодня на мулатке расклешенные джинсы, футболка с «пацификом» и джинсовая куртка. Через плечо на широком ремне с бахромой висит большая матерчатая сумка. На ногах Джейн – плетеные сандалии. Её вьющиеся мелким бесом волосы собраны в пучок на затылке.

Джейн Риттер идет по улице и смотрит на вывески с номерами домов. Час назад она на автобусе приехала в Ханнибал. На въезде в город на обочине дороги Джейн заметила выцветший щит с надписью:

Город Ханнибал, штат Миссури

Основан в 1819 году

Население – 4138 человек

Пока мулатка завтракала в забегаловке на автостанции, ей успел назначить свидание долговязый, похожий на итальянца официант, а помощник шерифа поинтересовался, зачем Джейн приехала в их городок и чем собирается заняться вечером.

Возле дома 208 по Хилл-стрит Джейн Риттер останавливается. Она достает из кармана сумки сложенную несколько раз газету. Вообще-то Джейн не жалуется на память, она внимательная сообразительная девушка, но вот числительные вечно вылетают у неё из головы. Джейн разворачивает сложенный четвертушкой газетный лист. В колонке объявлений на последней странице одно объявление обведено ручкой -

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ГОРНИЧНАЯ. ОБРАЩАТЬСЯ К МИСС КЛЕМЕНС, ПО АДРЕСУ ХАННИБАЛ, ХИЛЛ-СТРИТ, 208.

Джейн Риттер стоит на тротуаре и смотрит из-под руки на старый бревенчатый дом Клеменсов. Перед домом зеленая лужайка, которую не мешало бы постричь. Сам дом выглядит немного обветшалым и мрачным, но все еще весьма respectable. Джейн думает, что в летнюю жару в его сумрачных комнатах царит прохлада, а ненастными зимними вечерами в гостиной так уютно греться возле камина.

Солнце поднимается все выше, в кустах оглушительно трещат цикады. На тротуаре стоят голубой «шевроле корвейр» и старый желтый «форд» с помятым крылом.

Джейн Риттер поправляет ремень висящей через плечо сумки и решительно направляется к дому. Мулатка проходит по дорожке через лужайку, но не успевает подняться на крыльцо, как дверь распаивается. Джейн видит двух девиц – блондинку и брюнетку. Обе высокие, стройные, в мини юбках и топиках, только у блондинки топик голубой, а у брюнетки оранжевый. Следом за ними на крыльцо выходит молодая голубоглазая женщина в светлом клетчатом платье.

– До свиданья, до свиданья, мои дорогие! – улыбается девицам Полли Клеменс. – Я вам непременно на днях позвоню. Может быть, уже завтра... Я должна связаться с нашим фотографом. Нужно выбрать время для съемки.

– Спасибо, мисс Клеменс! Спасибо! – перебивают друг друга девицы.

Смеясь, они спускаются по ступеням крыльца, проходят по лужайке, то и дело оглядываются и машут руками мисс Клеменс, садятся в желтый «Форд», включают автомагнитолу, очень долго разворачиваются на узкой улочке и, наконец, уезжают.

– До свиданья, девочки! – мисс Клеменс машет им вслед рукой.

Машина пропадает вдаль за деревьями. Привалившись спиной к дверному косяку, Полли закуривает сигарету. Джейн нерешительно поднимается по ступеням. Мисс Клеменс смотрит на неё внимательно и хмуро.

– Чем обязана?

– Меня зовут Джейн Риттер. А вы, наверное, мисс Клеменс?

Полли кивает и медленно выпускает табачный дым из ноздрей.

– Вы ищете горничную? – спрашивает Джейн.

– Что? Горничную? – переспрашивает Полли, она явно думает о чем-то другом.

Надув губки, она смотрит на безлюдную и сонную Хилл-стрит. В круглых стеклах её очков отражается сверкающая зелень лужайки и стоящие вдоль улицы старые деревья.

– Это вы давали объявление в газете? – спрашивает мулатка.

– Да, верно, я давала объявление, – мисс Клеменс, наконец, обращает внимание на Джейн Риттер.

Её взгляд, словно быстрый паучок пробегает по ладной фигуре Джейн, по футболке с «пацификом», по расклешенным потертым джинсам и плетеным сандалиям.

– Давайте поговорим в доме, – говорит Полли.

Она пропускает Джейн вперед и следом за мулаткой заходит в сумрак прихожей.

Гостиная в доме Клеменсов. Мисс Клеменс сидит на старом стуле с высокой спинкой и читает рекомендации Джейн. Мулатка стоит возле стола и смотрит по сторонам. Тихо жужжит радиоприемник, настроенный на музыкальную волну. Джейн узнает «Sailor's Lament» группы «Creedence». Она терпеть не может «Creedence».

– Ваши рекомендации меня устраивают, – говорит, наконец, Полли Клеменс.

Она снимает очки и устало массирует пальцами переносицу. Складывает рекомендации и убирает в конверт.

– Я, конечно, позвоню вашим прежним хозяевам...

– Боюсь, мистер и миссис Фогерти сейчас в Европе, – замечает Джейн.

Полли Клеменс вздыхает, ее взгляд падает на фотографии моделей, которые приходили к ней этим утром.

– Никуда не годится, – бормочет Полли, – обе пустышки.

Она берет фотографии со стола и с отсутствующим видом медленно рвет пополам и еще раз пополам и бросает в корзину для бумаг.

– Можно вас спросить, мисс Клеменс?

Полли аккуратно снимает очки и протирает стекла очков салфеткой.

– Да?

– Вы работаете в издательстве? Вы журналистка?

– Я редактор журнала для мужчин, – все так же, думая о своем, отвечает Полли. – журнал называется «Hot Missouri Girls». Вы не слышали о таком журнале?

– Нет, не слышала, – честно признается Джейн.

– Мы, конечно, не «Playboy», но тираж растет, – не очень уверенно заявляет Полли Клеменс, – господа, мне нужно сдавать номер через пару недель, а я не могу найти девушку на обложку! Вы же видели этих девиц? Наверное, в манекене больше чувственности... Так. Насчет места горничной. Признаюсь, я хотела найти женщину немного постарше, более опытную... Джейн, дорогая, вы только не обижайтесь! Вы выглядите такой юной.

– Мне двадцать один, мисс Клеменс, – говорит мулатка. – И горничной я работаю с пятнадцати лет. Поверьте, у меня достаточно опыта.

– Да, да, я помню, что написано в резюме... В ваши обязанности входит убирать дом, готовить, на вас стирка, глажка. Нужно чистить серебро и всякие прочие мелочи, ну, вы понимаете.

– Разумеется, мисс Клеменс.

– Прежняя горничная, Урсула, работала у нас без малого десять лет. Я так к ней так привыкла!

– А что с ней случилось? – спрашивает Джейн.

– Умер один ее родственник, кажется дядя, не помню... Урсуле достался в наследство дом в Сент-Луисе. Словом, она уезжает улаживать дела. Я вас познакомлю, Урсула расскажет, что следует делать по хозяйству. Покажет, где что лежит.

Мисс Клеменс одевает очки. Сидит, откинувшись на высокую спинку стула, и смотрит на Джейн Риттер, словно раздевая ее глазами.

– Джейн, дорогая, а вы не могла бы подойти к окну.

Мулатка решает не спрашивать мисс Клеменс, зачем ей это нужно. Невелика услуга. Она подходит к окну. Из окна Джейн видит заросший сад – апельсиновые и яблоневые деревья, какие-то кусты, петляющую в высокой траве тропинку и в глубине сада старый бук с наполовину сухой и мертвой кроной.

Льющийся из окна солнечный свет ложится на лицо Джейн.

– Да, – кивает, словно соглашаясь сама с собой мисс Клеменс, – а теперь поверните голову немного вправо... Нет, совсем от меня не отворачивайтесь... А теперь в профиль. Да. Великолепно! А теперь – «три четверти». Вы знаете, что такое «три четверти»? Да, славно... Джейн, вам, наверное, говорили, что вы хорошенькая?

– Да, мисс Клеменс. Но, как правило, я слышу комплименты от мужчин.

– Ну, это не удивительно. Кстати, у вас есть одежда, подходящая для работы горничной? Надеюсь, вы не думали, что сможете работать в джинсах?

– Конечно, мисс Клеменс, у меня есть подходящее платье.

– Вон там, в углу ширма. Вы не могли бы переодеться?

Джейн только пожимает плечами. Она берет матерчатую сумку на широком ремне, которую оставила возле порога и идет за ширму. Там Джейн быстро стаскивает джинсы и футболку и надевает темное платье. Платье лежало с самого верха сумки аккуратно сложенное и если помялось, то только самую малость. Поверх платья Джейн повязывает белый передник и надевает на ноги удобные черные туфли без каблука. Мулатка одергивает платье и выходит из-за ширмы.

Мисс Клеменс ждет появления Джейн, с сигареткой в руках. Она взволнована, ее голубые глаза весело блестят.

– Очень миленько, – кивает Полли. – А вы не могли бы пройтись по кабинету, туда-сюда.

Платье на Джейн Риттер тоже темное, как и платье Урсулы, только короче, едва прикрывает колени. У мулатки стройные ладные ножки и тонкие щиколотки.

– Джейн, милая, вы изумительно смотрите в этом скромном платье.

– Спасибо, мисс Клеменс. Так вы берете меня на работу?

– Ну, если вы сможете содержать в чистоте и порядке этот большой дом... Послушайте, Джейн, я хочу предложить вам еще кое-что.

– Да, мисс Клеменс?

– Я хочу, чтобы вы стали моделью для журнала «Hot Missouri Girls». Вы станете девушкой месяца Джейн, – лучезарно улыбается Полли Клеменс, – конечно, нужно будет показать вас нашим спонсорам... Я так и вижу фотографию на обложке. Темнокожая горничная стоит у окна, лицо в «три четверти»... Вы сможете неплохо заработать.

Джейн кусает губы, но не может сдержаться и смеется.

– Я правильно понимаю, мисс Клеменс, вы предлагаете мне сняться в журнале для мужчин? Голой?

– Фу, как вульгарно! – морщит носик Полли, – не голой, а обнаженной. Да и потом, что в этом такого? Откуда это ханжество? Сейчас многие девушки зарабатывают себе на жизнь подобным образом.

– Наверное, вы правы, мисс Клеменс. Просто мне не хочется, чтобы тысячи незнакомых мужиков пялились на мою задницу... А потом, вы уверены, что я вам подхожу?

– Потому нет? Мы уже печатали фотографии темнокожих девушек в прошлом году. Конечно, кому-то это может не нравиться. Но сейчас не те времена... Джейн, послушайте, с вашей внешностью вы можете стать профессиональной моделью.

– Хорошо, мисс Клеменс, я обещаю подумать, – говорит Джейн Риттер, – а как же с работой горничной? Прежде я работала в доме не меньше этого. Там жила большая семья, у мистера и миссис Фогерти было пятеро детей. Я неплохо справлялась. Я не ленивая. У меня работа в руках горит.

– Рада это слышать, дорогая, – кивает мисс Клеменс, – Джейн, если вы будете работать в моем доме, то кроме всего прочего у вас появится еще одна обязанность. – Да, мисс Клеменс?

– Должна вам сказать, что у меня есть непутевый младший брат Томас. Ленивый, испорченный мальчишка. Лоботряс и бездельник. Связался с хиппи, слушает эту кошмарную рок-музыку, то и дело сбегает из дома. Я как могу, занимаюсь воспитанием брата. Но у меня нет, ни времени, ни сил его наказывать. Прежде эта обязанность, лежала на плечах нашей горничной Урсулы. Но Урсула сегодня уезжает домой.

– Ясно, мэм, – кивает мулатка.

Джейн улыбается, разглядывая обложку журнала «Hot Missouri Girls», который лежит на столе. На обложке – полная блондинка в прозрачном белом платье. Она стоит вполоборота, закинув руки за голову. Сквозь кружева видны ее большие похожие на дыньки груди.

– Моему брату весной исполнилось восемнадцать. Томас совершеннолетний, – говорит мисс Клеменс и внимательно смотрит на Джейн.

– Совершеннолетний?

Глаза Джейн округляются. Она изо всех сил старается не рассмеяться.

– И что с того? Если Том не умеет себя вести, его приходится наказывать, – Полли пожимает плечами, – что прикажите делать, если он ленится и не желает работать? В моем брате сидит сотня чертей.

– Да, мисс Клеменс, я понимаю, – быстро соглашается мулатка. – У меня была большая семья. Я была самой старшей из детей. И мне приходилось воспитывать младших братьев. И как бы я не любила их, я была с ними строгой. Не беспокойтесь, мэм, я справлюсь.

– Право не знаю, Джейн, – качает головой мисс Клеменс, – я искала на место горничной женщину постарше, чтобы она приструнила Тома. Но с другой стороны... Может быть, моему брату будет куда обиднее получить выволочку от вас, чем от Урсулы.

Мисс Клеменс поднимается из-за стола.

– Пойдемте со мной, Джейн.

Полли Клеменс ведет мулатку по скудно освещенному коридору в глубину дома. На стенах висят выцветшие фотографии и написанные маслом портреты в потемневших рамах. Возле портрета с сердитым пожилым джентльменом с седыми усами и лохматой шевелюрой мисс Клеменс замедляет шаг.

– Это мой прадед, говорят, он был в свое время известным писателем, – замечает Полли, – а впрочем, всё это вздор.

Джейн проводит кончиком пальца по раме покрытой слоем пыли и качает головой.

Мисс Клеменс останавливается возле двери в конце коридора. В глубине дома стоит ватная тишина, все звуки летнего дня – шум ветра в листве, птичьи голоса, жужжание пчел, тараканье моторов изредка проезжающих по Хилл-стрит автомобилей – сюда не долетают. И в этой глухой тишине Джейн неожиданно слышит громкий треск и следом – короткий крик.

Джейн вопросительно смотрит на мисс Клеменс. Усмехнувшись, Полли толкает дверь чулана и та, чуть слышно скрипнув, приотворяется.

– Вот Джейн, – говорит негромко мисс Клеменс, – таким примерно образом вам придется обходиться с этим мальчишкой.

Мулатка подходит ближе и заглядывает в чулан. Джейн видит небольшое помещение с маленьким затянутым паутиной окошком под потолком. В углу стоит старый платяной шкаф, рядом какой-то сундук и несколько стульев. На обшитой досками стене Джейн замечает с десяток крючков. На одних крючках висят ремешки, на других ротанговые трости с изогнутыми ручками, одни трости – потолще, другие – потоньше. Спиной к двери, упершись руками в стену, стоит Том Клеменс. У него светлые лохматые волосы, которые давно следовало постричь. Джинсы расстегнуты и съехали ниже колен, а рубашка задрана на плечи. Его худые длинные ноги светятся в сумраке чулана. Том худощав, невысок ростом и похож на подростка, но Джейн замечает, что он хорошо сложен.

У Тома за спиной стоит полная чернокожая женщина лет сорока в темном длинном платье с белым передником. Белки её глаз светятся на смуглом лице. Левую руку горничная заложила за спину, в правой руке у нее – ротанговая трость. Том, положив ладони на стену, тяжело дышит и переминается с ноги на ногу. Его поясница блестит от пота.

Урсула, примеряясь, легонько хлопает кончиком трости молодого человека по ягодицам. Узкие трусы туго обтягивают худую мальчишескую задницу. На бедрах и ляжках темнеют узкие полосы от ударов ротангом.

– Томас, вы готовы? – спрашивает Урсула.

Том молча кивает.

Джейн чувствует, как кровь приливает к лицу. Она смущена и взволнована этой сценой.

Темнокожая горничная поудобнее перехватывает трость и отводит руку назад. В ожидании удара тростью Джейн сжимает кулачки, и ногти впиваются ей в ладони. Стоя в коридоре, в доме Клеменсов, Джейн Риттер вспоминает, как ее наказывали в школе и дома. Она вспоминает боль от ударов розгами, такую жгучую и острую, что слезы сами лились из глаз, и хотелось

кричать изо всех сил. Позже Джейн научилась обманывать боль и с тех пор она никогда не кричала во время наказания.

Урсула обиженно поджимает губы и хлещет Тома ротанговой тростью. Горничная вроде бьет не сильно, но ротанг тонко свистит в воздухе и со звонким треском впивается в ягодицы. Том глухо вскрикивает и стучит ладонями по стене.

– Четырнадцать... Спасибо, Урсула... – слышит Джейн сдавленный голос Тома.

Том оглядывается на темнокожую горничную. У него дрожат губы, светлая челка падает на глаза, а глаза такие же голубые, как и у старшей сестры.

– Урсула, ну хватит уже! Так жжется, сил нет терпеть...

Джейн с удивлением замечает, что чувствует возбуждение, сладкую тяжесть внизу живота.

– Ах, Том, Том, – говорит горничная, сгибая и разгибая в руках ротанг. – Вы знаете, я сама всякий раз плачу, когда мисс Клеменс велит вас наказать. Но и вы подумайте о мисс Клеменс, она же места себе не находит, когда вы сбегаете из дома!

Том понуро опускает голову и отворачивается к стене.

– Сколько еще? – спрашивает молодой человек глухим голосом.

Темнокожая горничная пожимает плечами.

– В прошлый раз я дала вам пару десятков.

Том вздыхает.

– Но ведь вы опять убежали, – рассудительно говорит Урсула. – Значит, двадцати, оказалось мало.

Заметив, что мисс Клеменс за ней наблюдает, Джейн принимает скучающий вид. Урсула снова хлещет молодого человека тростью. В этот раз Том сдерживает крик, он вертится возле стены и растирает ягодицы рукой. Джейн закатывает глаза.

– Все мальчишки такие, они совершенно не умеют терпеть боль.

– Ваша правда, – кивает Полли и закрывает дверь в чулан. – Так вы не передумали?

– Нет, мэм, – улыбается Джейн. – Мне очень нравится ваш дом.

– О да, это славный дом, – соглашается Полли. – Его стены так много помнят.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ АКРУКС (АЛЬФА ЮЖНОГО КРЕСТА) СТОРОЖЕВОЙ КОРАБЛЬ «МАРК ТВЕН»

На стене кают-компании висит изогнутый информационный монитор. Том пьет содовую из стакана и смотрит аналитическое шоу « ЧТО ЗА ***** ТВОРИТСЯ В НАШЕЙ ГАЛАКТИКЕ???»». На экране – студия с голографическими панелями на стенах. На панелях – завитушки далеких туманностей, феерические взрывы сверхновых звезд и огненные протуберанцы. Посреди этой голографической вселенной в кресле из углепластика сидит ведущий шоу – Макс Камерер. Это мужчина лет тридцати с ироничным лицом и коротко стриженными волосами, покрашенными золотой краской. У него усталые, но горящие азартом глаза.

МАКС КАМЕРАЕР. Для начала несколько фактов. Червоточина или кротовая нора – это космический «туннель», который соединяет удаленные друг от друга точки пространства. Само понятие кротовьей норы, включая ее название, ввел в физику один американец, Джон Арчибальд Уиллер, еще в далеком 20 веке. Значительно позже мы нашли червоточины в нашей галактике. Стоит сказать, это чрезвычайно редкое явление... Задумайтесь, два десятка кротовых нор на всю необъятную галактику! А теперь давайте поговорим о новой военной технологии, которую использует наш противник. О новой угрозе, о том, как изменился баланс сил на фронте. О том, что тревожит каждого... Сегодня в студии наш постоянный гость аналитик военного министерства, генерал Х.

Звучит фонограмма аплодисментов.

Камера показывает оппонента Макса – генерала Х. Это грузный немолодой мужчина в сером мундире ЗФ, совершенно лысый, с гладко выбритым лицом и маленькими сонными глазами. Он растекся в кресле, словно медуза под солнцем.

ГЕНЕРАЛ Х. Что же... Сейчас, когда мы немного оправились от первого шока, когда мы сосчитали потери и стали зализывать раны... Да, наверное, настало время поговорить обо всем без истерик. Если, в двух словах... Наш противник овладел новой технологией. Теперь они могут прокладывать кротовьи норы где угодно. Могут соединять «туннелем» две любые точки в галактике. А это значит, что вся наша эшелонированная оборона оказалась неэффективной. С чисто женским коварством враг привели к нам в тыл боевые эскадры. Противник ударил по самым защищенным и стратегически жизненно важным объектам – сырьевые и энергетические ресурсы, заводы, работающие на военную промышленность, поселения наших ученых. Мы понесли серьезные потери... Как таковой линии фронта больше не существует...

МАКС КАМЕРАЕР. Скажите, сколько именно кротовых нор у нас в тылу?

ГЕНЕРАЛ Х. Каждую минуту приходят новые сводки. Цифры все время меняются...

МАКС КАМЕРАЕР. И все же, сколько? Назовите хотя бы примерное число.

ГЕНЕРАЛ Х. (ерзает в кресле, вытирает салфеткой испарину с гладкой, как шар головы) Несколько сотен...

МАКС КАМЕРАЕР. А точнее?

ГЕНЕРАЛ Х. Что-то около тысячи...

МАКС КАМЕРАЕР. Вот как? Да, похоже, наши дела обстоят не лучшим образом. Но не будем унывать раньше времени! И все-таки, генерал, как они это делают? Нашей разведке удалось узнать, как именно работает вражеская технология?

– Спорим, про нас сейчас опять что-нибудь скажут? – спрашивает Итон, оглядываясь на Тома.

– Ясное дело, скажут, – кивает Том Клеменс.

ГЕНЕРАЛ Х. Вы знаете, Макс, что кротовья нора, как бы прокалывает трехмерное пространство нашей вселенной и связывает две точки. Так вот, в точке входа монтируют силовую установку, которая открывает червоточину. Но это только полдела, нужно еще обозначить точку выхода. В эту точку необходимо доставить передатчик, назовем его «маячок». Это достаточно компактное устройство, такой «маячок» можно загрузить на самую обычную межзвездную яхту.

МАКС КАМЕРЕР. Насколько мне известно, первая червоточина была открыта в системе Эпсилон Малого Пса. Два вражеских пилота на яхте класса «А» прошли через минные поля и сбросили передатчик под носом у нашего сторожевого корабля. А потом из «туннеля» вышел линейный крейсер...

ГЕНЕРАЛ Х. (ерзает в кресле) Да, все верно. Эту планетарную систему мы потеряли...

В кают-компании звучит сирена. Над дверью в коридор мигает красным тревожный фонарь. Изображение на мониторе застывает и разваливается на пиксели. Том понимает, что трансляция прервана, включилась внутрикорабельная связь. Он видит командный мостик «Марка Твена», бледное лицо капитана Иеремии и его огненно рыжую бороду.

– У нас гости, – говорит капитан.

Истребитель был старенький, обшивка местами помята, местами залатана, плексигласовый блистер в царапинах, но машина изумительно слушалась руля. Том несколько дней гонял истребитель, отрабатывая маневры в гравитационных полях обугленных мертвых планет системы Акрукса, и решил, что машине можно доверять.

И вот – боевой вылет.

Том аккуратно снимается с палубы, проходит через створ мимо сигнальных огней и по большой дуге забирает в сторону от «Марка Твена». В наушниках шлемофона слышится треск, и голос Майкла сообщает,

– Том, я вижу тебя. У нас здесь жирная краля.

– Понял, Майкл, – отвечает Том Клеменс.

Он облетает сторожевой корабль и быстро идет в сторону пояса астероидов. Ему в спину светит Акрукс, двойная звезда Южного Креста – субгигант и карлик.

Когда на периферии планетарной системы Эпсилон Малого Пса из кротовьей норы вышла вражеская эскадра, командование спешно перебросило «Марк Твена» к Южному Кресту. Никто не видел смысла бодаться с превосходящими силами противника. Уже месяц «Марк Твен» нес боевое дежурство, охраняя корабельную верфь на орбите Акрукса.

– Что за краля? – спрашивает Том.

Он видит цель на мониторе радара. Что-то не очень крупное, но тоннаж явно больше, чем у межзвездной яхты.

– Это «медуза», – отвечает Стэн, – сейчас мы ее отпугнем.

– Нас же трое, – говорит Том и прибавляет ход, – разделаем, её, как бог черепахи.

– Отставить, – вмешивается в разговор Иеремия, – с «медузой» вам не справиться. Устройте фейерверк, но близко не подходите.

– Есть, капитан, – отвечает Том, а сам думает, – ну, это мы еще поглядим!

Он уже далеко отошел от «Марка Твена». Пояс астероидов, словно туман, висит на экране радара. Если присмотреться, то можно различить отдельные глыбы, медленно плывущие в пустоте. Майкл и Стэн должны быть где-то рядом. Том вертит головой и вскоре сквозь плексигласовый блистер видит истребитель Стэна по правую руку. Белый отсвет яркой двойной звезды горит на его обшивке. А потом Том замечает врага. Малый корабль класса «Медуза»

идет по самой кромке пояса астероидов. Круглый черненький корпус тускло поблескивает в лучах Акрукса. Том косится на монитор и видит, как к «Медузе» обманчиво медленно ползут две торпеды. Торпеды тянутся за «Медузой» через весь экран, а потом отстают и падают в пояс астероидов и там взрываются, кроша в пыль каменные глыбы.

– Я отстрелялся, – слышит Том в динамике шлемофона голос Майкла.

– Понял, – отвечает Стэн. – Захожу на цель.

Том следит по монитору, как истребитель Стэна подходит к вражескому кораблю на расстояние торпедного залпа. «Медуза» делает маневр и уходит в сторону. Белые слепящие лучи тянутся сквозь пустоту космического пространства, чтобы найти истребитель Стэна и сжечь.

– Я под огнем, – спокойно говорит Стэн.

Он выпускает торпеды и ложится на обратный курс, возвращаясь к сторожевому кораблю. Орудийные башни «Медузы» держат истребитель в прицеле, и трассеры лучей летят Стэну вслед.

Том садится на хвост «Медузе» и подходит так близко, что сквозь исцарапанный плексиглас блистера видит гладкую черненую обшивку вражеского корабля и две орудийные башни на правом и левом крыле. Том выпускает обе торпеды и уходит, но не в сторону «Марка Твена» потому что боится попасть под огонь тяжелых лазеров. Том ведет истребитель в пояс астероидов. И только потом, взглянув на монитор радара, Том понимает, что одна из его торпед зацепила «Медузу».

– Том, похоже, ты снес ей орудийную башню, – говорит Стэн.

– Давайте собьем эту кралю! – закричал Том в микрофон.

Его трясет от выплеснувшегося в кровь адреналина.

– Торпед не осталось, – отвечает Майкл.

– Всем возвращаться на базу, – слышит Том голос Иеремии в динамике шлемофона. – Том, ты молодчина!

– Есть возвращаться на базу, – отвечает Том.

У него кончились торпеды, но есть же еще лазерная пушка. Том ориентируется по монитору, разворачивается и идет против потока астероидов. Ему весело и страшно. «Медуза» еще здесь, она не ушла далеко. Том идет встречным курсом, словно на таран. Он видит гладкую плоскую морду вражеского судна, давит на гашетку и проходит над «Медузой», едва её не задев. Том успевает заметить раскуроченную орудийную башню на крыле. Другая орудийная башня ловит его истребитель в прицел. Лучи тяжелого лазера, словно россыпь белых стрел, проходят над кабиной. У Тома нет выбора, он уходит все глубже в пояс астероидов. Скользя взглядом по монитору, он замечает, что «Медуза» идет следом.

– Эта чертова краля меня преследует, – говорит Том в микрофон, – Майк, Стэн, черт возьми, мне помощь нужна! Прикройте меня, ребята!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.